

20.8.96.

Паперный Владимир

Искусствоведение

Мес. права. - 1996. - 20 авг. - с.в.

Лики тоталитарной музыки

Название этой книги нуждается в пояснении. По мнению автора, в Советской России эпохи Ленина - Сталина существовало два условных типа культуры: *первый*, «абстрактно-аскетический» (двадцатые годы), и второй, «театрализованно-мифологический» (тридцатые - пятидесятые). Сравнению этих типов и посвящена вышедшая в издательстве «НЛО» книга «Культура Два».

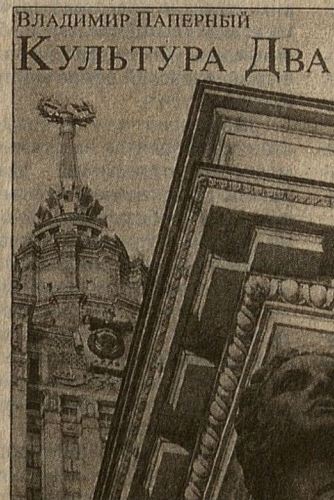
Ее автор **Владимир Паперный** был в СССР театральным художником и киносценаристом, в США (куда эмигрировал в 1981-м) - дизайнером, однако главным его увлечением и предметом исследований всегда оставалась архитектура. В «Культуре Два» ей отведено центральное место, хотя автор стремится найти общие закономерности развития всех искусств в СССР и четко определить их зависимость от социально-политической конъюнктуры.

Структурным принципом построения книги стала «бинарная оппозиция» - последовательное противопоставление компонентов культуры 1 соответствующим компонентам культуры 2. Вот «стержневые» оппозиции автора: «Растекание - затвердевание», «Механизм - человек», «Лирика - эпос». Эти пары, в свою очередь, делятся на другие, более локальные: «Коллективное - индивидуальное», «Горизонтальное - вертикальное», «Целесообразное - художественное»...

Тех, на кого от этого перечисления повеяло унылой схоластикой, должен успокоить: словесное «наполнение» каждой из глав в тысячу раз интересней их заглавий. В. Паперный пишет искусствоведческое исследование (да еще и «архитектуроцентрического» типа), но приводимые автором факты, их сопоставление, необычные интерпретации общеизвестных событий вкупе с архивными материалами и свидетельствами очевид-

цев - завораживающе-интересны, остроумны, и при всей своей парадоксальности неопровержимо убедительны.

Каждая культурная эпоха имеет свою жесткую систему ключевых слов. В. Паперный определяет ключевые слова обеих исследуемых им культур и «сталкивает» их попарно. Так, для культуры 2 был характерен культ *границы* - не случайно фигуры бдительных пограничников (собака, винтовка, буденовка) украшали площади городов и вестибюли метро; не случайно в одной из популярнейших песен с пограничной полосой сравнивается линия футбольных ворот, а героями другого не менее популярного шлягера становятся три веселых друга-танкиста, в пух и прах громящие самураев у высоких берегов Амура. (Культура 1, наоборот, кичилась своей *открытостью*, «горизонтальностью»; она всерьез верила в мировую революцию и грезилась о «едином человечьем общежитии».) Другой подмеченный

В. Паперным фетиш культуры 2 - *вода*. Неустанное прокладывание каналов, многочисленные лодочные станции, сказочное обилие фонтанов, веселая песня о том, что «без воды и ни туды и ни сюды», наконец, преслову-

тая «Девушка с веслом» Шадра - все это, по убеждению исследователя, звенья одной цепи. (Культуре 1, напротив, был свойственен пафос *огня*: «мировой пожар» Блока и другие революционные «аутодафы»). Сталинский культ *плодородия* всемирно знаменит: без спелых плодов, гроздьев и колосьев не обходился, кажется, ни один герб, ни один величественный фасад, ни один растительный орнамент; апофеозом этой урожайной истории стала, как известно, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, с эпическим размахом запечатленная в довоенном мюзикле «Свинарка и пастух». (Искусство 20-х было по сравнению со сталинским тот-артом холодным, инфантильным и *бесполом*). Культура 2 насквозь мифологична; обозначения объектов в ней неотделимы от их качеств: слово «СТАЛИН» в небе над Тушинским аэродромом могли «написать» только сталинские соколы. (В алгебраической, функциональной культуре 1 су-

ществует различие между объектом и его названием: к примеру, памятник Александру III, «украшенный» издательским куплетом Демьяна Бедного, превращался таким образом в карикатуру на самодержавие, то есть приобретал прямо противоположное значение).

Опытный художник-дизайнер, В. Паперный сам оформил свою книгу - нашел оптимальный, весьма симпатичный тип верстки, подобрал интересные фотографии. Кстати, первая из них встречает нас уже на обложке - неожиданный, экспрессивный ракурс небоскреба МГУ: «снизу», с крыши первого яруса, от подножия аллегорических статуй. А в третьей главе мы находим и проект Университета - чуть более приземистый, чем «в натуре», и без шпиля, зато с беломраморной фигурой Советского Ученого, словно напоминающей, что жизнь «винтиков» коротка, а тоталитарное искусство вечно.

Каждый, кто интересуется

историей *реконструкции* Москвы в советские годы, найдет среди иллюстраций книги немало любопытного. Вот, скажем, фотография старинного квартала, на месте которого спустя пару лет выросли две серые щусевские глыбы - гостиница «Москва» и Госплан (ныне Госдума). Вот колокольня Страстного монастыря, «декорированная» портретами вождей. А вот проект огромного, на четыре тысячи мест, кинотеатра, так и не построенного на площади Революции...

Уже дочитав книгу, я долго вспоминал, где я недавно мог видеть чертеж этого невоплощенного гиганта. Потом вспомнил: да на выставке «Москва - Берлин» в Пушкинском музее! Где же еще увидишь такое...

АНДРЕЙ МИРОШКИН.